

**«...Предоставьте судить моей совести»
(В.В. Шульгин: от ареста до освобождения)**

Количество мифов и легенд, связанных с жизнью и деятельностью В.В. Шульгина весьма значительно. Изучая его биографию, приходится часто сталкиваться как со случайно допущенными ошибками, так и с намеренными искажениями. Это не удивительно, поскольку Василий Витальевич, проживший 98 лет, был не просто «очевидцем», но и активным участником великих и трагических исторических событий. К счастью для историков, Шульгин обладал несомненным литературным талантом, оставив потомкам свои воспоминания, художественные произведения, яркие публицистические статьи, которые еще предстоит прочесть и изучить, а в ряде случаев и исправить некоторые неточности.

Большое значение в написании биографии Шульгина имеют документы его следственного дела, хранящегося в Центральном архиве ФСБ России. Опись архивного следственного дела № Р-48956 (в 1 т.) год производства: 1945–1947 в отношении Шульгина, впервые была опубликована А.В. Репниковым и В.С. Христофоровым [1]. В материалах следственного дела содержится информация о дореволюционной деятельности Шульгина; прослеживается эволюция его взглядов. В 2003–2007 годах в журналах «Новая и новейшая история», «Россия XXI», «Родина» и в ряде сборников впервые осуществлена публикация отдельных материалов из следственного дела Шульгина [2]. Полный текст следственного дела в отношении В.В. Шульгина, снабженный вступительной статьей, комментариями, приложениями и впервые извлеченными из архивов фотографиями, подготовленный В.Г. Макаровым, А.В. Репниковым и В.С. Христофоровым, в 2009 году выйдет в свет отдельной книгой. Цель данной статьи – кратко остановиться на наименее известных вехах жизненного пути Шульгина.

В 1944–1945 гг., по мере освобождения Восточной Европы, органы советской военной контрразведки «Смерш» в числе прочих задач начали поиск тех, кто участвовал в борьбе против советской власти: нацистских преступников и их пособников, членов антисоветских формирований (РОВС, НТСНП и др.), а также политических деятелей царского и Временного правительств, бывших участников Белого движения и т. п. В октябре 1944 г. Сремские Карловцы, где жил Шульгин, были освобождены Советской Армией. 24 декабря 1944 года Шульгин был доставлен в югославский город Нови-Сад. В своих воспоминаниях Шульгин так описал эти события: «24 декабря 1944 года я медленно брел по направлению к своему дому, неся кантицу с молоком... Было что-то около семи утра, когда я встретил бойца, состоявшего при коменданте Сремских Карловцев... он сказал:

– Комендант просит вас зайти на минуту...

Я согласился, и мы повернули к Ратуше, в которой жил комендант... Но коменданта в Ратуше не оказалось. Боец провел меня на второй этаж... Кто-то вошел. Я подумал, что это комендант, и обрадованный обернулся. Но это был не он. Передо мною стоял незнакомый мне молодой офицер с лицом “пупса”. Он грозно спросил:

– Вы знаете, кто я?

– Должно быть, из ГПУ, – догадался я.

– Это теперь иначе называется. Вы задержаны...

– Арестован? – перебил я, пытаюсь уточнить.

– Нет еще. Но это все равно. Оставайтесь здесь и не подходите к окну...

Не заметил, как наступили сумерки... Меня вывели из Ратуши на площадь. У подъезда стоял грузовик... Мотор заурчал, грузовик дернулся несколько раз и поехал, подсакивая на ухабах... Наконец остановились у переправы через Дунай. Мост длиною в 800 метров, некогда стоявший тут, был взорван... Нови Сад... Этот город лежал на той стороне Дуная. Мы погрузились на пароход и направились к противоположному берегу» [3].

Шульгин был задержан в городе Нови-Сад оперуполномоченным 3-го отделения 1-го отдела Управления контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта лейтенантом Ведерниковым по указанию начальника 3-го отделения А.И. Чубарова [4]. «В Новом Саду, как впоследствии вспоминал Шульгин, ЧК заняла одну из многих бывших фашистских резиденций. Отступившие оставили дом в полном порядке... Туда меня и доставили. “Пупс” передал меня своему начальнику... Начальник “пупса” был ростом несколько ниже его, но старше возрастом. Носил он черную куртку с глянцем. Еврей, как потом оказалось, из Киева. Фамилия? Что-то вроде Косолапый, точно не помню» [5]. Фамилия капитана в действительности была П.С. Кацалай, а подробности этого допроса, как следует из протокола от 2 января 1945 года, Шульгин впоследствии воспроизведет (хотя и поверхностно) в воспоминаниях [6]. Кацалай «расспрашивал об “Азбуке”. Тут я был осторожен, так как “Азбука” была конспиративная организация. Правда, секреты давно кончились. Правда и то, что если когда “Азбука” и работала против Советов, то лишь после заключения Брестского мира, так как острие ее было направлено против немцев. Но, возможно, в России еще были живы бывшие члены этой организации <...> На этом допрос пока что закончился. Капитан куда-то уехал» [7].

После проведения первичного допроса Шульгин был вывезен в Венгрию. Перед этим состоялся диалог:

- Сейчас отправим вас на мотоцикле.
- Куда?
- В Венгрию. Только вот пальто у вас дырявое и шляпа никуда не годится...
- Мы вас в одеяло завернем» [8].

Шульгина усадили в коляску и накрыли одеялом поверх шляпы. «Через некоторое время мотоцикл остановился... Меня раскутали, и я увидел, что сопровождают меня офицер... и водитель боец... Так как дорога становилась все лучше, то ехали все быстрее. Меня обдавало ледяным ветром, и голова замерзла, несмотря на шапку и одеяло. Мне казалось, что на нее надели каску из льда. Где-то остановились. Меня буквально вынули из коляски, ввели в дом... Мы были уже в Венгрии. Подали чай с ромом. Я согрелся... Затем ехали опять» [9]. Наконец, Шульгина привели к месту назначения и разместили в просторной комнате, где даже «горел камин» и «было тепло и уютно» [10]. Его соседкой оказалась «молодая и красивая какой-то старинною красотою девушка». Состоялось первое знакомство Шульгина с подполковником Кином [11], который в дальнейшем будет вести допросы Шульгина: «После обмена приветствиями и любезностями он сказал мне:

– Принимая во внимание ваш возраст, я нашел возможным поместить вас вместе с этой молодой женщиной. Вы можете говорить о чем угодно, кроме как о ваших делах. За что вы арестованы и за что она арестована – об этом говорить не следует. При вашей комнате есть сад, в котором можете с нею гулять. Можете даже выйти на улицу, но лучше этого не делать, так как вас кто-нибудь задержит. А теперь отдыхайте. Беседовать в вами будем завтра» [12]. Допросы продолжались. «С полковником Кином [13], человеком культурным, допрос шел в иных формах и иными методами, чем с капитаном “с Подола”, вспоминал впоследствии Шульгин, Он просил меня рассказать о моей жизни до революции и в эмиграции... Он вел допрос тягуче медленно, требовал подробностей. Наконец как-то не выдержал и сказал:

- Я вызову стенографистку, пусть она запишет ваши показания.

Пришла какая-то девушка в военной форме. Я привык диктовать и стал говорить, как когда-то выступал в Государственной Думе. Но полковник меня остановил:

- Нет, так нельзя.

И стал диктовать за меня. Мысли мои искажались, и выходило все совершенно иначе, а кроме того так медленно, что было непонятно, зачем нужна стенографистка... В последнюю ночь полковник заспешил и попросил меня помочь просмотреть материалы допроса, так как машинистки сделали множество ошибок. Этим я занимался с девушками, а

он собирал какие-то бумаги и очень спешил, так как необходимо было успеть к самолету. Наконец мы кончили, и он предложил мне идти к себе и поесть перед дорогой» [14].

31 января 1945 г. уже в Москве арест Шульгина был оформлен процессуально [15]. Шульгин вспоминал, как его везли в Москву: «Нас разместили в самолете... Это был первый полет в моей жизни... Куда мы летели, мы не знали, а только догадывались... Наконец приземлились в Кировограде, бывшим Елисаветграде. Из-за плохой погоды мы здесь пробыли одиннадцать дней... Сопровождавший нас офицер нес какой-то полосатый мешок. Потом дал его мне и спросил:

– Знаете, что тут?

– Нет.

– Ваши рукописи...

Мы опять летели... Сделали посадку на совершенно голом поле... Снова полет. Сколько летели не помню... Объявили что садимся в Москве... Когда вывели из самолета, нас сразу же окружил конвой, который сопровождал до посадки в машину без окон... Автомобиль остановился во дворе какого-то большого здания, которое, однако, мне ничего не говорило. Только потом я узнал, что это знаменитая Лубянка... Затем фотографировали в профиль, в фас. Когда показали, не смог себя узнать. И, конечно, дактилоскопия. Когда все это закончилось, вручили арестантское платье и посадили в камеру...» [16].

Шульгина допрашивал майор [17] А.А. Герасимов: «Он долго меня допрашивал. Я говорил все, мне нечего было скрывать. Эти допросы совершались по ночам, приблизительно с одиннадцати вечера и до рассвета [18].

Часа в три утра следователю приносили что-нибудь поужинать (или, может быть позавтракать). Обычно чай, хлеб, колбасу. Я сильно голодал в то время. Поэтому жадно смотрел на поднос. Однажды он оставил на нем кусок хлеба. Я попросил разрешение съесть его. Он разрешил и потом спросил:

– Вы очень голодаете?

– Очень.

– Вы вот что сделайте. Напишите полковнику Судакову – он стоит во главе нашего отдела – заявление, что голод мешает вам вспоминать, и это вредит следствию.

Я написал [19]. Через месяц Герасимов спросил меня, дают ли мне добавку к пище. Я ответил:

– Нет.

– Странно.

Как бы там ни было, но прибавки я не получил» [20].

В своих воспоминаниях Шульгин описывает необычный случай, к сожалению не указывая точной даты. «Однажды Герасимов сказал мне:

– Вас хотят увидеть министры. Пойдемте.

Захватив еще какого-то офицера, мы пришли в большой и роскошный зал с атласной мебелью и картинами в тяжелых золотых рамах. За столом, крытым красной скатертью, сидело множество незнакомых мне лиц. Кто из них были министры, я не знал.

Я подошел к столу и, сделав общий поклон, сказал по-солдатски:

– Здравия желаем.

Один из них сказал:

– Мы желали бы кое-что узнать от вас. Что вы знаете о внутренней линии? [21]

– Весьма мало.

– Как это может быть? Вы ведь были близки к командованию?

– Иногда.

– Объясните.

Я начал:

– Объяснить это не так просто. Вы, в СССР, являетесь хорошо сконструированной и отлаженной машиной, где одна кнопка управляет другими. Я же не был кнопкой. И исполнял свои обязанности как член Государственной Думы, а в отношении власти я не был с нею